

пять къ трапезѣ, тому совершенно невозможно получить освященіе, не потому, что онъ просто не приступаетъ, но потому, что можетъ, но не приступаетъ, и чрезъ то показываетъ, что въ его душѣ нѣтъ тѣхъ добрыхъ качествъ, какія нужны для таинствъ. Какое, въ самомъ дѣлѣ, усердіе и желаніе приступать къ трапезѣ у того, кто легко можетъ приступитъ къ ней и—не хочетъ? Какая вѣра въ Бога у того, кто не боится содержащейся въ словахъ Господа угрозы всѣмъ, презирающимъ эту вечерю? И какъ можно повѣрить любви того, кто, имѣя возможность взять, не беретъ? Посему нѣтъ ничего необыкновеннаго въ томъ, что Христосъ отрѣшившимся отъ тѣла душамъ, которыхъ не могъ обвинить ни въ одномъ изъ подобныхъ недостатковъ, преподаетъ эту трапезу. Необыкновенно и чудно то, что человѣкъ тлѣнный ястъ тѣло нетлѣнное; а что душа—существо безсмертное пріобщается, соотвѣтственнымъ ей образомъ, того, что безсмертно, — что въ этомъ удивительнаго? Если же (Господь), по неизреченному человѣколюбію и по непостижимой премудрости, нашелъ, какъ осуществить то, что необыкновенно и чудно, то какъ не повѣрить, что Онъ совершаетъ то, что вѣроятно и естественно?

ГЛАВА 45.

О томъ, что освященіе главнымъ образомъ сообщается душѣ причащающагося.

Вѣдь и у тѣхъ, которые живутъ еще въ тѣлѣ, даръ, хотя сообщается чрезъ тѣло, но

первоначально входитъ въ существо души и чрезъ душу переходитъ на тѣло. Вотъ на это и указываетъ блаженный Апостоль, когда говоритъ: *прильпляйся Господеви единъ духъ есть* (1 Кор. 6, 17), такъ какъ главнымъ образомъ въ душѣ бываетъ это единеніе и сопряженіе. Ибо тамъ собственно человѣкъ; тамъ и освященіе отъ добродѣтелей и отъ человѣческаго старанія; тамъ и то, что грѣшится и что имѣеть нужду въ исцѣленіи дарами. Что же касается тѣла, то въ немъ все бываетъ отъ души. И какъ отъ злыхъ помысловъ, исходящихъ отъ сердца, оскверняется оно, такъ оттуда же и освященіе ему, освященіе какъ отъ добродѣтели, такъ и отъ таинствъ. А иногда случаются и тѣлесныя болѣзни, которыхъ причина заключается въ злонавіи души. Чтобы показать это, Спаситель возставилъ тѣло отъ болѣзни тѣмъ, что исцѣлилъ душу больного, то есть, разрѣшилъ ее отъ грѣховъ. Итакъ, если даже и для принятія освященія душа не нуждается въ тѣлѣ, а напротивъ тѣло—въ душѣ, то какое преимущество отъ таинства имѣютъ души, соединенныя съ тѣломъ, въ сравненіи съ тѣми, которыя освободились отъ него? То, что онѣ видятъ священника и отъ него пріемлютъ дары? Но и тѣ имѣютъ вѣчнаго Іерея, который бываетъ для нихъ всѣмъ этимъ, который преподааетъ причастіе и изъ живыхъ тѣмъ, кто истинно пріемлетъ. Ибо не всѣ, кому преподаетъ священникъ, истинно причащаются, но несомнѣнно одни тѣ, кому подаетъ самъ Христосъ. Священникъ преподаетъ

всѣмъ вообще приступающимъ, а Христось — достойнымъ причастія. Отсюда явно, что совершающій души таинствомъ и освящающій и живыхъ и умершихъ есть одинъ только самъ Спаситель. А изъ всего сказаннаго становится очевиднымъ, что все, что только относится къ этому священному дѣйствию, — обще и живымъ и умершимъ; ибо и то, что бываетъ причиною освященія, заключааясь въ добрыхъ качествахъ души, свойственно и тѣмъ и другимъ, и то, чѣмъ главнымъ образомъ и собственно пріемлется освященіе, (у нихъ) одно и тоже, и освящающій іерей одинъ и тотъ же. Одного только, что есть у живущихъ въ тѣлѣ, нѣтъ у отшедшихъ, именно того, что (между живыми) есть и недостойные. Такіе, по видимому, освящаются, такъ такъ пріемлютъ устами дары; а тамъ невозможно и приступить тому, кто не приготовленъ, но однимъ достойнымъ предоставляется пріобщеніе. Но это и не прибавляетъ ничего къ освященію живыхъ, а напротивъ, подвергаетъ крайнему наказанію, и потому далеко не составляетъ преимущества живыхъ. Сверхъ того, и изъ слѣдующаго соображенія становится очевиднымъ, что для тѣхъ душъ не только возможно и безпрепятственно, но и необходимо нужно причащеніе святыхъ даровъ. Еслибы и другое что доставляло тѣмъ душамъ радость и покой, то это было бы для достойныхъ наградою за непорочность и имъ не была бы необходима нужна сія трапеза. Но между

тѣмъ всякое наслажденіе и блаженство,—назовемъ ли мы рай, или доно Авраама, или мѣсто, свободное отъ всякой скорби и болѣзни, мѣсто свѣтлое, злочное и прохладное, или самое царство, (все это) доставляетъ находящимся тамъ не другое что, какъ сія чаша и сей хлѣбъ. Ибо это—(нашъ) Ходатай и Предтеча за насъ во святая, который одинъ приводитъ къ Отцу, одинъ—Солнце душъ, который нынѣ такъ является и сообщаетъ Себя, какъ самъ восхотѣлъ, узникомъ плоти, а тогда узрится и дастъ Себя въ причастіе безъ покрововъ, — когда *узримъ его*, говоритъ (Писаніе), *якоже есть* (1 Кор. 13, 12), когда соберетъ (праведниковъ), какъ трупъ собираетъ орловъ, когда препояшется и заставитъ возлечь ихъ, придетъ и послужитъ имъ, когда возсіяетъ на облакахъ и чрезъ Него просіяютъ праведники, какъ солнце. Кто не соединенъ съ Нимъ, какъ обыкновенно соединяетъ (святая) трапеза, тѣмъ совершенно невозможно достигнуть покоя или получить какое-либо благо,—великое или малое.

Г л а в а 44.

О ходатайствѣ Христа.

Онъ есть ходатай, чрезъ котораго всѣ блага намъ дарованы отъ Бога, или лучше, всегда даруются. Ибо не однажды только Онъ за насъ ходатайствовалъ и не отступилъ послѣ того, какъ предоставилъ намъ все, о чемъ ходатайствовалъ, но всегда ходатайствуетъ—не словами и прошеніями, какъ поступаютъ обыкновенные